
Х. ЕСБЕРГЕНОВ

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С ПЕРЕЖИТКАМИ УСТАРЕВШИХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ

(*Каракалпакские поминки «ас»*)

Историко-этнографическое изучение семейно-бытовых обрядов, бытующих до настоящего времени у некоторых народов нашей страны, дает конкретный и убедительный материал для атеистической пропаганды и борьбы с вредными пережитками. Традиционная обрядность сохраняется особенно устойчиво при таких важных событиях семейной жизни, как рождение ребенка, свадьба, похороны.

В данной статье мы рассматриваем поминальные обряды каракалпаков, в прошлом одного из наиболее обездоленных, угнетенных и отсталых народов Средней Азии.

За годы советской власти Каракалпакия превратилась в развитую социалистическую республику, добившуюся больших успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Характерными для социалистической Каракалпакии являются широкая сеть средних, восьмилетних и начальных школ (всего в республике обучается более 100 тыс. детей), рост высшего образования, развитие науки, литературы и искусства, рост кадров национальной интеллигенции.

Общий подъем культуры в республике способствовал освобождению каракалпакского народа от многих вредных семейно-бытовых традиций, целого ряда старинных обычаев, верований и религиозных представлений, несовместимых с мировоззрением и образом жизни советских людей.

Однако и в наши дни в некоторых каракалпакских селениях и отдельных семьях все еще сохраняются старые обычаи и обряды, в том числе и поминальные; все еще можно услышать (главным образом от людей старшего поколения), что обычаи эти — «народные», «национальные» и их «надо» соблюдать.

Поминание покойника является одним из очень древних обычаев, в котором выражается память об умершем, уважение и внимание к нему родственников и односельчан. Однако у каракалпаков этот на первый взгляд безобидный по своей целенаправленности обычай настолько насыщен религиозной мусульманской и архаической доисламской, восходящей к периоду первобытнообщинного строя, обрядностью, приносил в течение веков такой идеологический вред и материальный ущерб населению, что его никак нельзя оправдывать и тем более в какой-то мере культивировать в современном быту, причисляя к «национальным традициям» каракалпакского народа.

Ниже мы даем описание традиционных каракалпакских поминок в той их старинной форме, какая была характерна для дореволюционного периода.

Хотя к настоящему времени поминальный обряд претерпел значительные изменения и многие его черты исчезли или сохранились лишь в форме пережитков, все же каракалпакские поминки следует (о чем, как нам кажется, свидетельствует приводимый ниже историко-этнографический материал) причислить именно к тем, мешающим коммунистическому строительству обычаем, с которыми Коммунистическая партия призывает вести неустанную борьбу¹.

* * *

Традиционные поминки у каракалпаков называются «ас». Существовало пять ас: «кара асы» траурная (буквально — черная) трапеза, которая справлялась до или после выноса покойника, но до похорон; «жетиси», или недельные поминки, справлявшиеся через 7 дней после похорон; «қырқы» — сороковины — на 37-й или 40-й день после похорон; «жузи» — на 97-й или 100-й день; «жылы» — годовые поминки, справляемые за несколько дней до исполнения года со дня похорон умершего. Справить традиционные пятикратные поминки прежде считалось долгом не только семьи умершего, но и всей общины («ел»).

Из пятикратных поминок наиболее крупными, а следовательно, требующими наибольших затрат, были кара асы и жылы². При кара асы устроители, особенно в сельских местностях, должны были заранее сообщить всем родственникам и сородичам, а также старшинам аула, что они намерены справлять поминки по умершему родственнику. В доме умершего устраивали «совет» поминок — «кенгес садақа». В состав кенгеса входили все «от ағасы»³ аула (так называют почтенных глав семей), представители семьи покойного, его друзья и наиболее уважаемые из односельчан. Участие в этом «совете» считалось почетным делом.

Кенгес решал вопрос о расходах на поминки: сколько голов скота следует зарезать для поминок и для гостей, которые останутся ночевать; сколько денег нужно выделить на чтение корана («қоран шықпа») и на «туйин» — для раздачи духовенству, родственникам из других аулов; сколько нужно продуктов (масла, муки, чая, сахара и др.) на поминки. Кенгес выбирал помещение для гостей и назначал многочисленный обслуживающий персонал для поминок: пекарей, поваров, гонцов — «хабаршы» и т. д.; последние обеспечивались транспортом. Представитель семьи умершего играл в совете незначительную роль. Если чего-нибудь не хватало, совет брал взаймы у кого-либо, однако обязанность расплачиваться со всеми долгами возлагалась на семью покойного.

Обязанности членов кенгеса не ограничивались участием в подготовке похорон и поминок. Практически от ағасы и назначаемые советом «жасы уллы» — старейшины, а также их помощники — «абысын» («кой-вони») — женщины, хорошо знающие обряды, руководили всеми церемониями в течение процесса погребения и поминок.

Друзья и близкие родственники покойного, отправляясь на поминки, обычно вели скот, везли продукты или деньги, называемые «аза малы», для частичного покрытия расходов на поминальную трапезу. В крайнем случае они привозили с собой «дастурхан» — завернутые в скатерть

¹ См. «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 412.

² Если умирал ребенок (мальчик до 12 лет, девочка до 9 лет), то поминок, кроме кара асы, справляемых в день похорон, не бывало.

³ От ағасы — букв. «хозяин огня, очага».

съестные припасы; к этому иногда присоединяли и небольшие отрезки ткани, деньги.

Обязательным считалось прибытие на похороны родственников и свойственников («кудалары») и друзей-сверстников («курдаслары», «жоралары») покойного. Отказы явиться на похороны — большая обида. В связи с этим говорили:

Туылган куни кел қуанғаныңды билейин;
Олген куни кел қайғырғаныңды билейин.
(Приди в день рождения, и я узнаю, что ты рад;
Приди в день смерти, и я узнаю, что ты опечален).

На поминки приглашали всех взрослых жителей своего аула, а также гостей из соседних аулов и даже из других районов. Кроме того, на поминки приезжали не только приглашенные, но и те, кто как-то услышал о поминках, случайные попутчики, гости других домов. Суеверные люди полагают, что поминальная пища священна и ее «благодать» может быть заключена в любой ее доле, поэтому хотели хотя бы отведать ее, чтобы благодаря этому осчастливиться или избавиться от какой-нибудь болезни. А задача устраивающих поминки заключалась в том, чтобы удовлетворить всех; они не могли отказать в приеме на поминках. Такая многочисленность гостей, естественно, требовала больших затрат.

Пышность поминок определялась возрастом и авторитетом умершего. Если покойник был стариком, в особенности если он имел много внуков и правнуков, то для гостей, даже еще до начала первых поминок, забивали скот, угощая их так же обильно, как и в самые поминки кара асы.

Гости в день поминок размещались по строго установленному порядку: отводились отдельные помещения для стариков; пожилых мужчин; свойственников; молодежи; женщин и детей; духовных лиц. Если какая-либо из этих групп оказывалась очень многочисленной, ей отводили несколько помещений. Обычно размещение и угощение гостей на поминках производилось по родовому признаку. Учитывалось традиционное представление о «старшинстве» того или иного племени, рода; например, почетные места часто уступали представителям арыса⁴ конграт на том основании, что из среды каракалпаков-конграт произошли такие замечательные деятели, как организатор народного восстания против хивинских ханов батыр Ерназар, дипломат и оратор Турымбетбий, популярные народные поэты Жийен-жырау, Кун-ходжа, Ажинияз и Бердақ⁵.

Во время угощения гостей соблюдалось правило давать определенные части приготовленного мяса животного определенным группам участников трапезы. Так, духовным лицам и свойственникам покойного давали голову и берцовую кость («тоқ жилик»); почетным гостям предназначалась тазовая кость («жамбас сүйегі»), а также плечо, позвонки и ребра; все мясо делилось на 12 частей (каждая нога животного на 3 части) и раздавалось по степени уменьшения почетности.

В каждом помещении мясное блюдо «бесбармақ» начинали разносить с наиболее почетных гостей, занимающих «төр»⁶. Блюдо с головой быка или барана подавалось в первую очередь старшему по возрасту или духовному лицу; он вырезал глаз или ухо и передавал голову дру-

⁴ Арыс (букв. оглобля) — название двух главных разветвлений каракалпакской родоплеменной структуры.

⁵ Полевые записи автора, 1956 г., № 11, Архив Ин-та истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР.

⁶ Төр — почетное место в доме или юрте, против входа.

гим. Каждый гость, находящийся в этом помещении, получал кусочек мяса от головы; затем голова возвращалась устроителю поминок. Остальное мясо размельчалось, и некоторая часть его выделялась для «саркыт» (остатка), чтобы блюдо не возвращалось к хозяевам пустым.

Саркыт предназначался покойному, который считался присутствующим на кара асы. По традиционным представлениям каракалпаков, саркыт обладает магической силой, излечивающей тех, кто съедает его. После обильного угощения гости расходились и разъезжались, причем провожать их не полагалось.

Отъезжающим гостям, в зависимости от степени их родства покойному и ценности привезенных ими на поминки вещей, абысын вручала подарки и остатки пищевых продуктов — «жыртыс». Мужчины получали одежду покойника, узелки с деньгами, куски ткани, а женщин — лепешками, сахаром, маслом, мясом и другими продуктами.

После окончания кара асы устроитель поминок оставлял несколько духовных лиц для чтения корана («қоран шықпа») по покойнику после похорон. К вечеру снова специально для этих ахунов и мулл забивали скот и устраивали угощение. В промежутках между угощениями ахуны и муллы читали коран, поделив его между собой по главам. После чтения корана (которое обычно старались быстрее окончить, чтобы лечь спать) они получали заранее определенную сумму денег, скот и одежду за свой «священный труд».

Стоимость подношений за чтение корана была обычно велика. Ведь не так-то легко удовлетворить жадность духовных особ, о которой в народе совершенно справедливо говорят:

Отлы жерде өгиз семиреди,
Өлимлі жерде молла семиреди.
(Где много травы, там вол жиреет,
А где много смертей, там мулла жиреет.)

На этом кончались первые поминки — кара асы.

Вторые поминки — жетиси — справлялись, как уже говорилось, на 6-й или 7-й день после похорон. На жетиси снова резали скот для гостей, опять читали коран, за что духовенство получало деньги от устроителя поминок; наделяли одеждой покойника омывателей трупа «сүйекке енгенлер». Все же поминки жетиси не были такими пышными, как кара асы. На них приглашали меньше гостей (были в основном родственники).

Более важными и многолюдными являлись қырқы, справляемые, как уже говорилось, на 37-й или 40-й день после погребения покойника, а также жузи, справляемые на 97 или 100-й день.

Самыми грандиозными и разорительными для семьи умершего были годовые поминки жылы, которые справлялись за несколько дней до исполнения года со дня похорон. До недавнего времени в случае смерти старика или старухи поминки, особенно годовые, носили праздничный характер, их называли «той» (пир). Обычно на годовых поминках устраивалась борьба («гурес»), скачки («байга») и козлодрание («кэк бар»): на этих состязаниях отстаивалась честь рода и аула. Старикам раздавали узелки с деньгами («туйин»), одежду покойника и другие вещи. Старшина аула — «жасы уллы» или один из от ағасы вручал призы («байрак») победителям в соревновании. Байрак состоял из скота или из лучшей одежды покойника.

После годовых поминок траур в семье покойника и связанные с трауром запреты прекращались. Родственники покойного собирали траурную одежду у всех, кто ее носил, относили ее на кладбище и сжигали.

Если у покойника была взрослая дочь, то после годовых поминок она могла выходить замуж.

Поминки в определенные дни после погребения объясняли обычно тем, что дух умершего якобы присутствует целый год в своем жилище и страдает, если его плохо поминуют. Поминки справлялись и для «насыщения» духа умершего, так как считалось, что сытость гостей передается духу покойного.

Очень распространено было среди каракалпаков представление о том, что, если покойник приснился, ему надо сразу же устроить поминки, иначе последует болезнь или какое-нибудь несчастье в семье, у женщин — бесплодие. Кроме того, по древним верованиям каракалпаков, душа умершего в течение года, пока не справят годовые поминки, каждую неделю приходит домой, по пятницам (жума) и в дни религиозных праздников қурбан-байрам, ораза (пост). Поэтому в эти дни надо создавать запах пищи — «ийис шығару», обжаривая в масле тонкие ломтики теста («бауырсақ»). Запахом пищи якобы питается дух покойника. Ийис делали до 4—5 часов дня с тем, чтобы дух умершего мог добраться до своего «жилища» днем, так как ночью на него по дороге могли напасть враги или звери. В эти дни старались задобрить дух умершего лепешками и угощали зашедших в дом взрослых и детей, не приглашая, однако, специально гостей.

Мы опросили ряд стариков-информаторов в различных районах Каракалпакии о том, как они представляют себе назначение и смысл архаических поминальных обрядов. Высказывания их следует здесь привести.

Информатор Юсуп-молла из Бирунийского (ныне Турткульского) района многочисленные поминки по покойнику объяснил тем, что человек после смерти удаляется в новый, непривычный для него мир и поэтому возвращается в свой дом сначала часто, а затем все реже. В течение года покойник привыкает к условиям загробной жизни и потом уже не возвращается домой⁷.

Информатор Даулет-кари (проживает в г. Чимбае) объяснил продолжение поминок до года со дня погребения покойника тем, что дух покойника возвращается к телу до тех пор, пока труп полностью не разложится и в могиле не останется только скелет, что происходит в течение года. Поэтому в течение года устраиваются поминки в честь возвращения духа покойника на землю⁸.

По убеждениям, существовавшим у каракалпаков, если умиловать людей на поминках, то их благодарность будет служить ходатайством перед богом об отправлении покойника в рай. О том же, почему поминки справлялись в определенные дни, подавляющее большинство верующих каракалпаков не знает. Из всех опрошенных нами по этому вопросу стариков лишь информатор по имени Калила (г. Нукус) мог дать какое-то объяснение. Он сказал, что определенные дни поминок связаны с основными этапами жизни человека: первые поминки справлялись в память 1 дня жизни человека; вторые — в память 7 дня, когда у ребенка начинает пробуждаться сознание; третьи — потому, что бог создал пророка Мухаммеда за 40 дней; четвертые — в память того, что через 100 дней ребенок начинает узнавать родителей, смеяться; последние годовые поминки справляются в честь того, что человек твердо вступает в жизнь в годовалом возрасте: начинает ходить, говорить.

У нас сложилось убеждение, что среди верующих каракалпаков нет

⁷ Полевые записи автора, 1959 г., № 12.

⁸ Там же, № 13.

единого мнения о смысле поминальных обрядов. Более того, создается впечатление, что люди, слепо исполняя традиционные обряды, совершенно не понимали их смысла, а приводимые ими объяснения — результат личных измышлений и уподоблений. Мусульманское духовенство это не тревожило, — лишь бы люди верили в бога, в существование ада и рая, в загробную жизнь и выполняли различные обряды, обеспечивающие духовенство доходом.

* * *

Хотя духовенство постаралось придать поминальным обрядам мусульманские формы и соответствующее идейное содержание, отчетливо выявляется связь этих обрядов с доисламскими верованиями.

Поминальный обряд каракалпаков представляет собой совокупность различных воззрений и действий, уходящих своими корнями к периоду первобытнообщинного строя, к анимистическим идеям, лежащим в основе веры в существование души и загробной ее жизни. На позднейших этапах эта вера была узаконена развитыми религиями.

Пятикратные поминки каракалпаков, возникшие на основе первобытных обычаев кормления души умершего, имеют широкие аналогии у других народов мира. Сходными являются не только обрядовые действия, но, что нам представляется особенно интересным, у многих народов поминальные обряды совершаются в одни и те же строго определенные сроки. Как мы видели, у каракалпаков такими сроками являются 1-й, 7-й, 40-й, 100-й дни после смерти и ее годовщина. Почти полностью совпадают с ними сроки очередных поминок у всех других народов Средней Азии и Казахстана, а также у алтайцев, сагайцев, бельтиров⁹, у гольдов (нанайцев)¹⁰, у русских, украинцев, белорусов¹¹, у некоторых народов Северного Кавказа — осетин¹², кумыков¹³ и многих других народов разных этнических категорий и вероисповеданий.

Это строгое соблюдение определенных, совпадающих у многих народов сроков совершения поминок требует объяснения, которое, на наш взгляд, ни в коем случае не следует искать в развитых религиозных представлениях. В коране и других книгах ислама, например, ничего не говорится о пятикратных поминках.

«Обряды, сопровождавшие поминки, — пишет М. О. Косвен, — являясь сами по себе пережитками... первобытнообщинных отношений и первобытной идеологии, в условиях распада родового строя и ...социально-экономической дифференциации превратились в факторы, эту дифференциацию углублявшие»¹⁴. В равной степени это относится к данному циклу обрядов у народов Средней Азии.

Домусульманский характер поминальных обрядов у туркмен в свое время отметил С. П. Толстов¹⁵. В пользу этого же говорят этногра-

⁹ А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. IV, 2, Л., 1924, стр. 20—22; Н. Ф. Катанов, О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней, «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 123—125.

¹⁰ Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, М.—Л., 1931, стр. 96.

¹¹ А. Котляревский, О погребальных обрядах языческих славян, М., 1868, стр. 249; С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века, М., 1957, стр. 37.

¹² В. Миллер, Осетинские этюды, ч. II, М., 1881—1887, стр. 288.

¹³ С. Гаджиева, Кумыки, М., 1961, стр. 281.

¹⁴ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 18.

¹⁵ С. П. Толстов, Религия народов Средней Азии, Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, М.—Л., 1931, стр. 292.

фические материалы по караалпакам, собранные С. К. Камаловым¹⁶, и полевые записи автора 1956—1961 гг.¹⁷

Некоторые старики-информаторы, как уже указывалось, относят поминки к числу немусульманских обрядов и называют их «халк дастури», т. е. народными обрядами. Домусульманский характер поминальных обрядов подтверждают письменные источники, относящиеся к древнейшему населению Средней Азии: справлять поминки в день похорон, через 40 дней и в годовщину, по сведениям Геродота, было принято у скифов (саков.— Х. Е.), древнейшего населения Приаралья¹⁸.

Хотя тот факт, что корни поминальной обрядности следует искать в первобытности, как будто не вызывает сомнения, в популярной литературе имеет место ошибочная тенденция связывать периодичность поминального цикла с учением развитых религий, в частности, с христианством¹⁹.

Не следует забывать, что поминки существовали и существуют у народов, никакого отношения к христианству не имевших, равно как и то, что эти сроки поминального цикла существовали у народов задолго до появления у них христианства. По словам С. А. Токарева, у восточнославянских народов даже в XIX и начале XX в. «поминки совершаются обычно семейным порядком, без церковных обрядов»²⁰.

Нам представляется очевидным, что причины строгого соблюдения определенных сроков в поминальном цикле лежат не в области христианских, мусульманских и прочих религиозных учений, а в системе первобытных верований и представлений.

Согласно воззрениям анимиста, душа после того, как она рассталась с телом, продолжает существовать. Она может возвращаться к тем, кого она покинула, и ее можно заставить это сделать. Но со смертью человека его душа постепенно перерождается — в буквальном смысле слова. Ее отделение от тела означает новое ее рождение. И в дальнейшем она должна пройти все те этапы роста и развития, какие проходит новорожденный младенец. Последний окружается целым циклом обрядов, запретов и рекомендаций, в последовательности которых, на наш взгляд, наблюдается строгое соответствие с этапами погребально-поминальной обрядности.

С идеей нового рождения, как нам представляется, и связан цикл обрядов, которые посвящают душе умершего. Они не только напоминают обряды, связанные с рождением ребенка и постепенным его ростом, но и осуществляются почти в аналогичные сроки.

Постараемся проследить это на примере обрядности караалпаков, имея в виду, что весьма сходные очистительные и магические действия распространены и у других народов Средней Азии — казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркмен и др.

У караалпаков наиболее опасными как для матери, так и для новорожденного считались период родов и первые сорок дней после рождения ребенка, носившие название чилле (сорокадневие). На этот период в прошлом падал значительный процент детской смертности. Во всех опасностях, которым подвергаются новорожденный и роженица.

¹⁶ Полевые записи С. К. Камалова, 1956 г., № 6, Архив Ин-та истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР.

¹⁷ Полевые записи автора, 1956 г., № 8; 1959 г., №№ 3, 19, 20; 1960 г., №№ 30, 40; 1961 г., №№ 11, 18.

¹⁸ Геродот, История в девяти книгах, кн. IV, 72, М., 1888.

¹⁹ См.: «Большая Советская Энциклопедия», т. 34, стр. 133; Л. К. Воропаева Существовал ли загробная жизнь? М., 1958.

²⁰ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 37.

особенно в этот период, караалпаки раньше видели действия различных сверхъестественных сил, злых духов, спешивших воспользоваться слабостью и беспомощностью матери и ребенка. В период чилле выделялись особые дни, к которым приурочивались те или другие события в жизни новорожденного и соответственно совершались определенные обряды. Такими днями являлись (как и у других народов Средней Азии, например таджиков)²¹ 1-й, 3-й, 7-й, 9-й и 40-й дни со дня рождения.

В течение первых трех дней после рождения ребенка не спали, непрерывно поддерживали огонь, чтобы «отогнать злых духов». Через 3—5 дней после рождения, когда у ребенка отпадает пуповина, его и мать впервые мыли, ребенку надевали первую рубашку «ит кёйлек» (собачья рубашка)²². Через три дня «бала қарын уйқысынан ойанады», т. е. считали, что «ребенок» просыпается от утробного сна. С этого дня матери разрешалось готовить пищу, заниматься хозяйством. Если благополучно проходили 1—3-й дни, справлялся праздник с угощением, посторонним разрешалось зайти посмотреть ребенка.

Через 7 или 9 дней «баланың ети торығады», т. е. «укрепляется тело ребенка»; ребенку давали имя, его клали в колыбель (бесик), справляли праздник «бесик той».

На 40-й день кончалось чилле. Через 40 дней у ребенка «крепнет шея», он начинает управлять своими руками, ногами, реагирует на звук, свет; ребенка купали теперь без соли и без масла, снимали с него ит кёйлек и надевали новую рубашку²³. Если благополучно проходил период чилле, караалпаки раньше устраивали праздник с угощением.

Через 100 дней ребенок смеется, осмысленно смотрит на кого-либо или на что-либо, может уже сосредоточивать свое внимание.

Через год ребенок становится «как человек», т. е. сообразительным, «сам себе хозяин», ходит без помощи родителей, говорит, ест без особого выбора; ему делают первую стрижку волос, по случаю чего справляют праздник «шаш той». Если до исполнения одного года ребенок носил одну рубашку, то теперь поверх нее надевают халатик, штаны, его обувают; на голову мальчику надевают шапку, девочке повязывают платок. Теперь ребенку уделяют уже меньше внимания, следят лишь, чтобы он не плакал.

Рассмотренные этапы жизни новорожденного вплоть до достижения им одного года и связанные с этим обряды караалпаков и других народов Средней Азии и Казахстана²⁴ поразительно перекликаются со сроками обрядов поминального цикла — 3-м, 7-м, 9-м, 100-м днями и годовщиной смерти. Поэтому, вероятно, именно в идее нового рожде-

²¹ Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XLIV, М., 1959, стр. 54.

²² Н. П. Лобачева, Полевые записи, 1957 г., № 12, Архив Ин-та этнографии АН СССР; А. Бекмуратова, Полевые записи, 1960 г., № 19, Фонд рукописей Ин-та истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР. Ит койлек надевают на ребенка сразу после рождения; снимают через 40 дней и повязывают на шею собаке.

²³ Полевые записи автора, 1961 г., №№ 22, 29; А. Бекмуратова, Полевые записи, 1960 г., № 19; Н. П. Лобачева, Полевые записи, 1957 г., № 7.

²⁴ Н. А. Кисляков, Указ. раб., стр. 54—58; А. Л. Троицкая, Рождение, и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана, «Сов. этнография», 1935, № 5, стр. 119—132; Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXV, М., 1959, стр. 79—80; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961, стр. 114; С. М. Демидов, К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР, т. IV, Ашхабад, 1962, стр. 207—208.

ния и постепенного развития души в потустороннем мире следует искать корни происхождения поминальных обрядов.

Хотя первоначальный смысл поминальных обрядов скрыт позднейшими наслоениями, намек на подобные объяснения мы все же, как отмечалось выше, находим в этнографических материалах (см. выше сообщение информатора Калилы, стр. 36). Однако, возможно, установление определенных сроков связано с традиционными представлениями каракалпаков и других народов Средней Азии о сакральных числах (7, 9, 40 и др.).

В создании обряда периодических поминок по умершим сказался и страх людей перед духом умершего. Поминки рассматривались не только как «кормление души», но и как профилактическое «оборонительное» средство от возможного вредоносного действия со стороны духа умершего.

В мусульманском обряде эти древние анимистические представления продолжают жить. В исламе, как и в других развитых религиях, учение о душе и загробном мире на протяжении столетий играло едва ли не самую реакционную роль в системе духовного порабощения людей.

Все изложенное выше показывает, какой идеологический вред приносит поминальная обрядность, консервируя обычаи и представления, несовместимые с материалистическим мировоззрением и социалистическим бытом.

Но есть и еще одна сторона поминального обрядового цикла, которая делает его несовместимым с принципами социалистического быта. Поминальная обрядность консервировала не только антинаучные представления, но и пережитки прошлых социальных отношений. В области культа, и особенно там, где к выполнению определенного обряда привлекается большой круг людей, как, например, в исследуемом нами комплексе, дольше всего удерживались реликты патриархально-феодальных институтов.

Поминальная обрядность в этом отношении весьма показательна. Уже в самом начале поминальных церемоний руководство ими захватывало старшее поколение, носители старых традиций. В первобытно-общинных советах следует искать корни кенгес садака. Каткуда и абысын — организаторы поминальных церемоний — напоминают тех «хранителей веры», о которых пишет Морган: «Каждый род давал известное число „хранителей веры“, как мужчин, так и женщин, на которых было возложено совершение этих праздников... Они назначали дни отправления праздников, делали необходимые приготовления... На обязанности женщин — „хранительниц веры“ лежали преимущественно приготовления к пиршеству, которое устраивалось во время всех собраний совета в конце каждого дня для всех присутствующих»²⁵.

Погребение, поминки, свадебный той, посвященные различным событиям семейной жизни, считались делом всей общины. Общинный характер подобных обрядов восходит к тому периоду развития общества, когда отдельная семья растворялась в кровнородственной группе.

Родоплеменное начало в поминальных обрядах каракалпаков проявлялось и в том, что территориальная община («ел»), ядро которой составляли люди, связанные кровным родством, и свойственники, брали на себя почти все обязанности по обслуживанию церемоний и оказывали материальную помощь («заа малы»); как мы отмечали выше,

²⁵ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 50.

общинный характер каракалпакских погребальных и поминальных обрядов имеет широкие этнографические аналогии, в первую очередь у других народов Средней Азии и Казахстана²⁶.

Указывая на общинный характер семейно-бытовых обрядов — свадьбы, похорон, поминок — у горных таджиков, А. Н. Кондауров приходит к совершенно справедливому выводу, что в этом отношении «мы можем предполагать закономерную связь этих обязанностей отдельных семей по отношению к односельчанам и своим родственникам с былым „коммунизмом домашней жизни“, осуществлявшимся родовыми общинами»²⁷.

Известно, что обычай взаимопомощи в XIX — начале XX в. в условиях классовой дифференциации у каракалпаков носил эксплуататорский характер. Феодално-байская верхушка аульной общины использовала «взаимопомощь» в своих интересах. Эксплуататорский характер имел и обычай аза малы при поминках. Если бай оказывал материальную «помощь» в погребении члена своей общины, он почти на всю жизнь закабалял семью умершего. Если же умирал бай, бедняки облагались различными «добровольными» налогами, например, так называемыми «джердем» и «косымша» в связи с устройством ас (поминок) богатому соседу.

Это имело место не только у каракалпаков. Например, в 1912 г. на устройство похорон киргизскому манану был получен следующий налог (кошумча) с населения: 350 лошадей, 2500 руб. деньгами, 9 оседланных бегунов, экипаж, запряженный тройкой, 20 ичик, 20 кымкап, 80 бейкасам²⁸, различных ценных тканей на 400 рублей и многие другие вещи²⁹.

Общинный характер поминальных обрядов проявлялся и в описанном выше обычае жыртис. Этот обычай не только приносил материальный ущерб семье умершего; он способствовал консервации пережитков родоплеменных норм и первобытных верований, — через жыртис, по представлениям верующих, души умерших влияют на живых людей.

Сохранившиеся в поминальной обрядности следы старинного обычая местничества восходят к обычаям древних огузов, у которых, по словам Рашид-эд-Дина, «во время пира и разделения пищи какая-то часть мяса будет долею каждой ветви»³⁰.

А какой огромный материальный ущерб наносило семье покойного пунктуальное соблюдение старых традиций! Пять ас у каракалпаков

²⁶ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. I, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. 7, Сталинабад, 1953, стр. 126—127; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936, стр. 68, 133, 134; А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, Труды Ин-та этнографии, т. III, вып. I, Л., 1940, стр. 21—22; И. Алтынсарин, Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства, «Записки Оренбургского отдела Русского Географического Об-ва», Казань, 1870, вып. I, стр. 119; А. Джумагулов, Некоторые обычаи и обряды дореволюционной киргизской семьи, «Известия АН КиргССР», серия общественных наук, т. I, вып. I, Фрунзе, 1959, стр. 86; его же, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960, стр. 17—19; С. Ильясов, Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации, Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. I, Фрунзе, 1945, стр. 136—142; И. Ибрагимов, Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах, «Военный сборник», 1874, № 9, стр. 153.

²⁷ А. Н. Кондауров, Некоторые материалы по этнографии ягнобцев, «Сов. этнография», 1935, № 6, стр. 103.

²⁸ Ичик — теплое пальто с ценным мехом, кымкап и бейкасам — ценные ткани.

²⁹ С. Ильясов, Указ. раб., стр. 136.

³⁰ Рашид-эд-Дин, История монголов, СПб., 1858, стр. 23.

более любого другого обрядового комплекса отрицательно сказывались на бюджете семьи, вводили ее в непроизводительные расходы.

Если кто-либо резал для поминок только одного барана, считалось, что он поминок вовсе не делал, его поднимали на смех. Поэтому справляющий поминки часто старался заложить или распродать все, что у него имелось, лишь бы избежать осуждения, насмешек и издевательств. Семья покойного, по которому справлялись традиционные поминки, несколько лет не могла избавиться от долгов.

Каково же отношение к традиционным поминальным обрядам самих каракалпаков?

Наиболее передовая, свободная от религиозно-бытовых предрассудков часть населения отказалась от архаической формы поминок с обязательным соблюдением пяти ас. В некоторых аулах Каракалпакии наблюдаются случаи объединения нескольких поминовений (ас) в одно, сократилась продолжительность поминок (иногда их проводят в один выходной день). Утратили былую пышность годовые поминки: той и теперь устраивается, но приглашаются главным образом родственники. Молодежь, как правило, в тое участия не принимает. Нередко хоронят умершего без соблюдения религиозной обрядности, без жыртыс, фидия и т. д.; друзья умершего уводят к себе его семью и его прибывших родственников на несколько дней, чтобы смягчить их скорбь и избавить от больших материальных расходов.

Однако еще несколько лет назад в Каракалпакии были случаи проведения поминок с соблюдением всех пяти ас; на одних поминках, как нам рассказал один из информаторов, только для угощения в день кара асы было забито 6 коз, корова; израсходовано 4 мешка муки, 1 мешок сахара, 30 кг риса, 10 кг масла, большое количество конфет, печенья, чая, 2 машины дров, отданы родственникам умершего его новые костюм и пальто — всего на сумму не менее 10 тыс. рублей (в старом исчислении цен). Кроме того, устройством поминок была израсходована значительная сумма (размер ее нам установить не удалось) на обряд искупления грехов («фидия») и коран шықпа. На других поминках было забито 42 головы крупного и мелкого рогатого скота, истрачено на фидию 9,5 тыс. рублей³¹.

Народ понимает вред старых поминальных обрядов. Давно уже существуют пословицы, отражающие недовольство разорительными обрядами. В народе говорят: «Өлим байдың малын шашады, жоқтың етегин ашады» (Смерть разоряет имущего, а неимущего выставляет на позорище).

Это недовольство нашло отражение и в произведениях классиков каракалпакской литературы. Так, Бердах-шаир в конце XIX — начале XX в. в своем произведении «Разве ушедший вернется?» («Кетген келерме?») говорит о бесполезности и вреде поминальных обрядов. Бердах писал:

Весь ли Коран прочтешь без запинки,
Или весь мир позовешь на поминки,
Или совсем не прольешь ни слезинки,
Разве ушедший вернется?³²

³¹ Полевые записи автора, 1959 г., № 18.

³² Бердах, Избранное, Ташкент, 1958, стр. 12.

Критика отживших обрядов находит место и в произведениях современных шаиrow Каракалпакии. Один из виднейших сатириков Т. Жумамуратов пишет:

Өлген жерде мал семизин сойдырып.
«Садақа» деп бес мәртебе той курып,
Биреулер енгресе, булар ғарғадай
Ғарғылдасар құрсақларын тойдырып³³.

(Режут скот в доме усопшего и, принося жертву, устраивают пятикратный пир, если кто-нибудь и зарыдает, то большинство словно воронье, шумно веселясь, старается набить себе желудок.)

Каракалпаки, в том числе и многие старики, нередко высказываются против нелепых и разорительных обрядов.

Среди передовой части населения, в первую очередь в кругах интеллигенции, обсуждается вопрос о том, какой должна быть современная семейно-бытовая обрядность³⁴. Реакционный характер старых погребальных и поминальных обрядов признается всеми. Выдвигаются требования активизировать участие в организации похорон представителей советской общественности.

Некоторая часть каракалпаков, главным образом старики, признают, что нет никакого «божественного установления» в соблюдении пятикратных поминок по покойному, но считают, что раз они стали обычаем, необходимо их выполнять. «Наши похоронные и поминальные обряды очень тяжелые,— говорят старики,— в спокойной обстановке вполне понимаешь ненужность их, однако в тяжелый момент, когда у тебя в семье кто-нибудь умирает, ничего не жаль, и поэтому что скажет мулла, все делаешь; все хочется раздать; если нет скота и денег — берешь взаймы»³⁵. Именно в этой среде родилась вредная теория, согласно которой и поминальные обряды признавались «национально-традиционными обычаями»; при этом силен страх перед обывательским мнением («если не будем соблюдать поминок, будут считать нас нарушителями обычаев наших дедов») ³⁶. К. Маркс писал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых»³⁷. В. И. Ленин в свое время отмечал: «Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила»³⁸. Этим объясняется, в частности, то обстоятельство, что, понимая вред традиционных поминальных обрядов и обычаев, какая-то часть населения все еще соблюдает их.

Следует ли из всего сказанного, что надо отказаться от всяких похоронных и поминальных церемоний? Нет, такой вывод был бы неверным. Уход человека из жизни настолько тяжелое событие для его родных, друзей и товарищей, что свести похороны лишь к погребению умершего значило бы грубо игнорировать существующие у нас нормы гуманности и морали.

Нужно вести борьбу со старой традиционной обрядностью. Похоронные и поминальные церемонии необходимо лишить их религиозно-

³³ Т. Жумамуратов, Сауап десе комек, берсин пахтаға, газ. «Совет Қарақалпақстаны», 26 апреля 1959 г.

³⁴ С. Камалов, Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпаков, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 127. См. также С. Ахметов, Советлик дастур ҳақында пикир аллысақ? Газ. «Совет Қарақалпақстаны», 2 марта 1960 г.

³⁵ С. Камалов, Указ. раб., стр. 127.

³⁶ Полевые записи автора, 1956 г., №№ 8, 49; 1959 г., № 3.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 119.

³⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 27.

мистического элемента и очистить от всего того, что превращает их, как мы видели на примере каракалпакской обрядности, в тяжелое материальное бремя для семьи и окружающих.

Все, что связано с отдачей последнего долга умершему, должно быть созвучно нашей современности. Место «черной трапезы» — кара асы должна занять гражданская панихида. Теплые слова соболезнования друзей и товарищей покойного, их помощь в организации похорон, проявление внимания к осиротевшей семье, несомненно, окажутся для нее более необходимыми и облегчающими горестную утрату, чем многолюдный съезд дальних родственников и знакомых, нетерпеливо ожидающих обильной трапезы, ритуальных подарков и развлечений. Не обязательны многократные традиционные поминки. У нас имеется хорошая советская традиция: хранить память об умерших, их заслугах перед народом, отмечать в кругу родственников и друзей покойного определенные памятные даты; такой обычай не может вызвать никаких возражений.

Участие представителей общественности должно выразиться в заботе о семье умершего. «Здесь, — пишет С. Камалов, — им представится возможность облегчить похоронные обычаи для семьи умершего, уберечь ее скот и имущество; если это будет сделано заботливо и деликатно, такое вмешательство никогда не встретит возражений. Такое облегчение и постепенное преодоление трудных похоронных обрядов возможно тем более, что каракалпаки тяготятся ими»³⁹.

Отрадно отметить такое новое, имеющее громадное значение для борьбы с бытовыми пережитками явление, как возникновение советов старейшин. Первый такой совет в Каракалпакии создан в 1962 г. в совхозе им. Калинина Чимбайского района. В совет старейшин, помимо старших по возрасту жителей совхозного поселка, вошли бригадиры, некоторые учителя местной школы. Задачей совета старейшин является помощь партийным и советским организациям в коммунистическом воспитании населения, в пропаганде новых, коммунистических устоев семейного и общественного быта. Совет старейшин пользуется большим авторитетом. Организация похорон, поминок проводится под его руководством без обычных разорительных расходов, но с участием и вниманием общественности к горю, постигшему семью⁴⁰. Совет старейшин призван способствовать исчезновению и других вредных обычаев. Опыт совета старейшин совхоза им. Калинина следовало бы распространить в других районах республики.

Развертывая атеистическую пропаганду, в частности против традиционных погребально-поминальных обрядов, надо прежде всего с научных марксистских позиций показать несостоятельность связанного с этими обрядами мировоззрения и особенно тот идеологический вред, который приносит в наши дни религиозное учение о душе и загробном существовании; надо уметь научно объяснить пережитки прошлого и доказать тем самым их полное несоответствие окружающей действительности, быту социалистического общества.

Вполне естественно, что атеистическая пропаганда не должна быть делом только лекторов, обязательно участие в ней и научных работников (в первую очередь историков и этнографов). Систематически вести разъяснительную работу должны все представители советской общественности и на производстве, и в быту. К сожалению, не все коммунисты, руководители колхозов и учреждений, районные и областные работ-

³⁹ С. Камалов, Указ. раб., стр. 127.

⁴⁰ Об организации и работе совета старейшин автору сообщил С. Камалов.

ники, занятые сложными задачами выполнения государственного и хозяйственного плана, уделяют достаточно внимания борьбе за преодоление пережитков прошлого.

Разъяснительную работу, в частности связанную с поминальными обрядами, необходимо вести, используя все возможные пути воздействия на верующих. Большая роль в этом принадлежит художественной литературе, театру, кино и радио.

В нашем распоряжении имеется немало разнообразных средств для окончательного искоренения пережитков прошлого в сознании людей. В условиях современной советской действительности созданы самые благоприятные условия для действенной научно-атеистической пропаганды.

SUMMARY

The article is given over to a study of ancient Kara-Kalpak rites connected with funeral feasts. Since carry-overs of these rites still linger in some areas in Kara-Kalpakia today, the author calls for intensifying the ideological campaign against these obsolete practices which are incompatible with the socialist way of life.